

1902 по 1909 гг. посев ярицы сократился с 35 372 до 32 014 дес., а посев озимой ржи увеличился с 17 646 до 18 832 дес. (*Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. Приложения. Ведомость № 1; Обзор Иркутской губернии за 1909 год. Иркутск: Губернская типография, 1911. Приложения. Ведомость № 1*), прослеживается устойчивая тенденция роста урожайности ярицы, тогда как урожайность озимой ржи изменилась мало (за первые шесть лет XX столетия урожайность яровой ржи в бурятских ведомствах выросла с сам-1,4 до сам-3,8, причем это не единичный случай, а тенденция (см.: *Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск: Губернская типография, 1901. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1901 год. Иркутск: Губернская типография, 1902. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1903 год. Иркутск: Губернская типография, 1904. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1904 год. Иркутск: Губернская типография, 1905. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1905 год. Иркутск: Губернская типография, 1907. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск: Губернская типография, 1909. С. 2*). Эта тенденция также является свидетельством качественных сдвигов в бурятском земледелии в рассматриваемый период.

Итак, реформа землеустройства повлияло на качественные изменения способов традиционной бурятской хозяйственной деятельности, их трансформацию. Однако трансформация, в данном случае, связана не с изменением вида хозяйственной деятельности, переориентацией хозяйства с одной отрасли на другую, а с оптимизацией форм уже сложившегося к началу реформы земледельческого хозяйства иркутских бурят. При этом землеустроительная реформа явилась не причиной зарождения обозначенных явлений, а катализатором процесса их развития. Следует отметить, также, что обозначенные изменения знаменуют собой качественно иную рационализацию сельского хозяйства. Если раньше рационализация проявлялась в приспособлении к окружающей среде, то теперь она поднялась на качественно иной уровень — приспособление к экономической реальности, основанной на разумном использовании имеющихся ресурсов.

И. В. КУРЫШОВА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Практика ограничения государством лесопользования, регламентации деятельности, связанной с рациональным использованием лесных ресурсов, уходит своими корнями во времена Петра Великого.

Лесопользование в Российской империи в конце XIX–начале XX вв. регулировалось Лесным уставом (редакции 1842, 1857, 1876, 1893, 1905 г.). Согласно положениям Лесного устава 1905 г., леса на всей территории России подразделялись на государственные и состоящие в общественной и частной собственности. Государственные леса составляли собственность казны и подразделялись на казенные и имеющие особое предназначение. К разряду лесов, имеющих особое предназначение, относились леса: 1) государственные, состоявшие в пользовании государственных крестьян; 2) леса, отведенные в надел крестьянам и инородцам в Сибири; 3) выделенные монастырям; 4) состоящие в пользовании инородцев, казачьих войск. К казенным лесам относились: 1) леса, отведенные в пользование на определенный срок: казенно-оборочные статьи, образованные из аренды пустых земель, леса сорокалетнего пользования, образованные из аренды пустых земель на 40 лет или без срока, без оброка; 2) леса, находящиеся в пользовании государственных учреждений: земли этапов, почтовых станций, казенных заводов; 3) пустопорожние земли (*Извлечение из Устава Лесного (Св. Зак. VIII ч. 1) // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. Лесной Устав. С. 514–515*).

Примерами нормативных актов, регулирующих лесопользование, помимо Лесных Уставов 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 г., являются Положение «О сбережении лесов» от 4 апреля 1888 года, а также большое количество инструкций: по устройству казенных лесов (19 июня 1908 г.), для устройства защитных лесов (22 марта 1889 г.), для устройства водоохраных лесов (1903 г.) и т.д. В этих документах были использованы не только существующие уже положения об охране лесов, но и учтен практический опыт и достижения современной отечественной науки о лесоводстве.

Необходимо отметить, что из-за удаленности от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, обособленности региона и наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на Сибирь не распространялось большинство норм лесопользования, принятых до конца XIX в. Не раз сибирская администрация обращалась к правительству с предложениями по принятию мер к сбережению лесов региона, но не находила понимания. До середины XIX в. не проводилось даже сколько-нибудь значительных исследований лесных пространств региона.

Перспектива уменьшения лесов подталкивала власти к проведению мер по их охране. Причем инициатива в этом вопросе принадлежала именно государству, поскольку большая часть лесных пространств (в том числе в Иркутской губернии) являлась государственной собственностью (*Строгий А.А. О лесах Сибири. СПб.: Тип. СПб градоначальства,*

1911. С. 84–85). Эти меры были направлены, прежде всего, на организацию деятельности лесничеств.

Первоначально лесопользование в регионе находилось в ведении местной исполнительной власти. Исследованиями лесов Иркутской губернии по штату 1894 г. при Иркутском генерал-губернаторе занимались вице-инспекторы корпуса лесничих, четыре ревизора лесоустройства и двенадцать кондукторов (*Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 г. Иркутск, 1908. С. 21*). В 1896 г., для более эффективной эксплуатации земельных и лесных ресурсов, по решению Государственного Совета создается Управление Государственных имуществ Енисейской и Иркутской губерний. С 1 апреля 1897 г. фактическое управление делами взяла на себя Иркутская Казенная палата. Согласно Лесному Уставу 1893 г., с 1895 г. начинается процесс образования лесничеств в Иркутской губернии. С образованием лесничеств казенные леса Иркутской губернии были переданы в ведение Лесного Департамента, что означало распространение общероссийского лесного законодательства на территорию Иркутской губернии и создание организационных структур по образцу Европейской России. В Иркутской губернии в 1898 г. было образовано семь лесничеств, в 1906 г. их насчитывалось уже 13, в 1914 г. на территории губернии функционировало 16 лесничеств.

В функции лесничеств входило: составление статистических отчетов, сведений о количестве леса, сенокосных угодий, учет и контроль за отпуском лесных материалов, регламентация пользования лесом (выписывание лесорубочных билетов), охрана лесов от пожаров и самовольных порубок, проведение лесоустроительных работ (исследование территорий, выделение заказников, контроль за их состоянием).

В целях рационализации лесопользования с конца XIX–начала XX вв. лесничества Иркутской губернии начинают работу по выделению казенно-оборочных статей (они не могли быть сданы в долгосрочную аренду; таких статей выделялось 47, в том числе территория западного побережья Байкала — Больше-Кадильнинская, Мало-Кадильнинская, Мало-Бугульдейская статьи) и заказников из казенных земель. Согласно указу о заведовании государственными лесами, подписанному в 1894 г. Иркутским генерал-губернатором Горемыкиным, часть земель, представляющая особую ценность, изымалась из свободного пользования, а лесные материалы из данных участков могли отпускаться только за установленную плату (*ГАИО, ф.171, оп.1, д.387, л.7*). Законом от 15 февраля 1894 г. для выделения лучших казенных лесов в заказные дачи были учреждены должности вице-инспектора Корпуса Лесничих, ревизоров и кондукторов Лесоустройства. Ревизорами Лесоустройства проводились исследования выделяемых площадей, составлялись описания, отчеты. С образованием лесничеств процесс формирования заказников начинает проходить более быстрыми темпами. В 1895 г. был

образован Хайтинский заказник. Аршанский заказник был создан на основании постановления Иркутского генерал-губернатора от 24 марта 1899 г. Его размеры первоначально были незначительны — 167 десятин 20 кв. саж., но в 1913 г. площадь заказника была увеличена и достигла 580 десятин 554 кв. саж. (*Сибирь. 1913. № 254. 12 нояб. С. 3*). Яндинский заказник (Черемховское лесничество) площадью 172 161 десятин возник в 1912 г. Причины образования заказников состояла в том, что власти опасались за будущее иркутских лесов, активно вырубавшихся для удовлетворения местного рынка и судоходства (ГАИО, ф.176, оп.1, д.1727, л.31). Однако эти опасения диктовались, прежде всего, экономическими соображениями, а не заботой о сохранении экологического равновесия в регионе.

Местные власти принимали ряд постановлений, таких как «Условия для продажи леса, с учетом по площади из казенных дач Иркутской губернии», «Условия для продажи мертвого (сухоподстойного, валежного, буреломного) леса, с учетом по количеству заготовленных материалов, из казенных дач Иркутской губернии» (ГАИО, ф.157, оп.1, д.9, л.53, 56). Согласно этим условиям, вводилась продажа сырого леса с торгов на основании договоров, с взиманием 10% залога за обеспечение правильности рубок и 3% залога за очистку мест рубок. Покупатель был обязан охранять купленный участок, а также и ближайшие полосы на расстоянии 25 сажень. За повреждение леса полагалось административное взыскание двойной таксовой стоимости поврежденного леса или уголовное наказание. При покупке мертвого леса в Иркутской губернии покупатель должен был представить ручательство или денежный залог в размере 20% оценочной стоимости предполагаемых к заготовке материалов, в Забайкальской же области — 10% залог с оценочной стоимости леса.

Главными же причинами сокращения лесных угодий в Иркутской губернии как отмечалось выше, являлись самовольные порубки и лесные пожары, инициированные человеком. Борьба с этими явлениями являлась приоритетным направлением природоохранной деятельности лесничеств.

Управление Государственных имуществ предприняло ряд мер по регламентации лесозаготовок. В 1908 г. были приняты «Правила для производства рубки леса в Государственных пустопорожних дачах». Согласно этим правилам, вырубать лес имел право лишь тот, у кого на руках был лесорубочный билет, в котором указывались следующие сведения: губерния, уезд, местность, дача; какого рода разрешено рубить лес, в каком количестве, сроки и условия рубки. Произведя заготовку леса, владелец билета был обязан сообщить об этом властям для освидетельствования заготовки в отношении места, количества, рода леса. На месте составлялся протокол за подписью владельца билета, представителя полицейской власти и не менее двух понятых.

Только после этого можно было приступить к вывозке леса из дачи (ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 3120, л. 40).

Заготовка и вывоз должны были осуществляться в указанные в билете сроки. При нарушении правил Управление Государственных имуществ определяло размер годовой потребности материалов заведения, для которого заготавливался лес, и соответственно этому, производилось взыскание административным порядком с начислением пени.

Порядок преследования самовольных порубок в Байкальском регионе в второй половине XIX–начале XX вв. определялся законом от 7 апреля 1897 г. и заключался в следующем: после обнаружения нарушения составлялся протокол, в котором обозначались сведения о месте, объеме, времени порубки, личности нарушителя, свидетелях и понятых, указывалась стоимость похищенного леса. Все эти данные в дальнейшем использовались при разбирательстве (судебном или административном). Протоколы о проступках, нанесших убыток на сумму свыше 5 р. по казенной таксе, лесничие должны были отправлять к Управляющему Государственными имуществами, а по протоколам, где сумма убытка не превышала 5 р., представитель лесничества составлял на месте постановление о наложении взыскания в пользу казны. Нарушитель, согласный с административным решением, мог внести штраф сразу или в течение двух недель, а также в рассрочку, о которой должна была быть сделана запись в постановлении. Кроме того, разрешалось, при согласии лесничего, отработать взыскание в лесничестве, в котором совершено нарушение. Уплату штрафа можно было производить в местном казначействе (нарушителям вручались платежные свидетельства), в кассе Лесничих, а также объявлявшему постановление лицу. В случае несогласия нарушителя с административной мерой наказания, дело разбиралось в общем порядке, установленном для дел о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны.

Лесные пожары были еще одной важнейшей причиной сокращения лесных массивов в Байкальском регионе.

Детально противопожарные меры, необходимые при проведении палов, были разработаны в «Правилах для предупреждения лесных пожаров в губерниях Иркутской и Енисейской и на 30 верстах расстояния от берегов сплавных рек в Якутской области», принятых в 1897 г. (ГАИО, ф. 157, оп. 1, д. 9, л. 2–3). По Правилам, с 15 мая по 15 октября на всей территории Иркутской губернии палы запрещались совсем. В другое время палы допускались только с соблюдением следующих правил: 1) необходимо было получить разрешение от местного сельского начальства и известить лесную стражу и пожарных старост; 2) приступая к палам, нужно было «очистить к стороне леса полосу в один аршин ширины от сухой травы, листьев, сучьев. Когда пространство будет кругом обойдено 10 саженой опаленной полосой, следовало пус-

тить огонь в выжигаемом пространстве сначала против ветра и с боков, а когда пал отойдет из подветренной стороны на 100 сажень и более, можно было пускать огонь с противоположной стороны по ветру, так, чтобы тяга направлялась к середине выжигаемой полосы»; 3) при выжигании должны были находиться не менее трех человек с заступами, метлами и ведрами с водой. Захлестывание огня мокрыми метлами должно было производиться особенно тщательно со стороны леса. Наблюдение за исполнением данных правил возлагалось на чины полиции, должностных лиц сельского и волостного управления, лесную стражу, пожарных старост и чинов корпуса Лесничих. Но в случае возникновения лесных пожаров для тушения должны были собираться жители ближайших селений, расположенных от места пожара не далее 15 верст, а при сильных пожарах и жители отделенных селений (не далее 25 верст).

Распоряжаться тушением лесных пожаров могла местная полиция, но если на месте присутствовал лесничий, то полиция и люди, привлеченные к тушению пожара, должны были руководствоваться его указаниями. Лесничий выбирал тактику тушения в зависимости от вида пожара (низовой, верховой). После ликвидации пожара производились измерения площади, количества, породного состава выгоревшего леса, выяснялись причины пожара, определялся размер ущерба.

Регламентация мест и правил разведения костров тоже было одной из противопожарных мер, которой уделялось серьезное внимание. Согласно §1 вышеупомянутых Правил запрещалось разводить костры после таяния снега при сильном ветре или во время засухи не только в хвойных и смешанных лесах, но также на расстоянии ближе одной версты от этих лесов и повсеместно вблизи железной дороги. В другое время костры можно было разводить только в случае крайней необходимости и при соблюдении некоторых предосторожностей. Места кострищ должны были быть очищены на две сажени вокруг от сухой травы, торфа, сухих листьев и сучьев, нельзя было раскладывать огонь ближе двух сажений от лежащих и стоящих деревьев, костер перед уходом необходимо было тщательно затушить (*Там же, л.2*). В «Условиях для продажи мертвого (сухоподстойного, валежного, буреломного) леса, с учетом по количеству заготовленных материалов, из казенных дач Иркутской губернии» определялись места под костры для углежжения «преимущественно на существующих лесных прогалинах и полянках по близости к воде, причем возле костра, на полосе, шириною в две сажени, должен был снят дерн» (*Там же, л.53*).

Таким образом, вторая половина XIX–начало XX вв. — этап, занимающий особое место в процессе оформления системы охраны лесов Иркутской губернии. Можно утверждать, что сама система правового регулирования именно в этом периоде берет свое начало. Начались пла-

номерные исследования лесных пространств края, были предприняты попытки применения научного подхода к организации лесного хозяйства, положено начало его коренного преобразования, закреплены меры по восстановлению и рациональному лесопользованию.

А.О. ЛЕВЧЕНКО

СИБИРЯКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВСОИРГО (1894–1896 гг.)

Сибиряковская историко-этнографическая экспедиция Восточно-Сибирского отделения императорского Русского географического общества начала свою работу в 1894 г. Это был первый опыт комплексной стационарной экспедиции по изучению коренных народов Восточной Сибири, главной задачей которой являлось естественно-научное изучение края — сбор достоверных сведений в отношении геологии, географии, статистики, экономики, истории, этнографии и т.д. К концу XIX в. ВСОИРГО уже накопил достаточный опыт в области организации подобного рода экспедиций, достаточно упомянуть Вилюйскую экспедицию 1854–1855 гг., Олекминско-Витимскую экспедицию 1866 г. и Олекминскую экспедицию 1873–1875 гг., участниками которых также велись этнографические наблюдения, записывался фольклор, собирались соответствующие коллекции.

Народностью, по своей численности, занимающей второе место на территории наблюдений и изучений ВСОИРГО, являлись якуты, они же продолжали оставаться наименее изученными. «Быт, мировоззрения, язык, антропологический характер племени, общественно-экономическое состояние его, отношение к русскому населению Якутской области и этого последнего к якутам и некоторые другие вопросы были весьма мало и поверхностно изучены, а во многих частях даже совершенно не затронуты», — сказано в отчетах ВСОИРГО за 1894–1895 гг. (*Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1894 год / Сост. Я.П. Прейн // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 27. № 2. С. 2–22; Отчет Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества за 1897 год / Сост. А.П. Герасимов // Известия ВСОИРГО. 1898. Т. 29. № 3. С. 1–90. По Сибиряковской экспедиции. С. 9–12; О работах якутской экспедиции: Отчет за 1895 г. // Известия ВСОИРГО. 1896. Т. 27. № 2. С. 42–47*).

На специальных совещаниях в Якутске, в которых принимали участие А.И. Попов, Д.И. Меликов, Г.Л. Кондаков, С.Я. Дмитриев, затем Н.А. Виташевский, В.И. Йохельсон, Л.Г. Левенталь, Н.И. Майнов, Э.К. Пекарский, были выработаны подробные программы по исследованию якутов